

Алексей Горшенин

Чистое золото каждой строки

(Поэтический мир Елизаветы Стюарт)

Весёлым солнечным апрельским днём я поднялся на второй этаж панельной «хрущёвки» на улице Нарымской в Новосибирске и с волнением нажал на кнопку звонка. Мне открыли, и я сразу узнал её, хотя видел до этого только на портретах в поэтических сборниках.

– Почему вдруг молодёжная газета? – удивилась она, когда я представился.

Можно было, конечно, сослаться на то, что у неё есть стихи, прямо адресованные юношам и девушкам («В парке», «Подрастают мальчишки» и др.), или на то, что творчество её известно читателям разных возрастов, потому что есть в нём и мотивы любви, и природы и многое другое, что согревает человеческую душу. Но была и другая, можно сказать, личная причина, по которой я, тогда сотрудник газеты «Молодость Сибири», решил непременно сделать интервью с известной поэтессой. Дело в том, что со стихов Елизаветы Стюарт (да ещё Василия Федорова) я начинал постигать мир современной поэзии.

Беседа наша состоялась. Интервью было напечатано. Других более или менее тесных контактов у нас практически больше не было, хотя впоследствии мы довольно часто пересекались в стенах Новосибирской писательской организации и вежливо раскланивались, но ту первую встречу я запомнил на всю жизнь. Передо мной была при всей скромности, внешней неброскости, сдержанности, особенная женщина. И в манере говорить негромко, ровно, но как-то при этом очень в точку, весомо, и в непроизвольно горделивом повороте головы, и в очень изящном, красивом движении руки – во всём чувствовалось особое достоинство, во всём видна была порода.

Позднее убедился, что не я один, но и очень многие, в том числе и коллеги-писатели, её так воспринимали. И это справедливо. Потому что она действительно была королевой – королевой сибирской поэзии.

Хотя можно сказать о ней и по-другому. Елизавета Константиновна Стюарт была Поэтом. Поэтом с большой буквы. Впрочем, и по сей день на российском поэтическом небосклоне она остаётся одной из звёзд первой величины.

Право быть Поэтом Елизавета Стюарт, говоря её же словами, «всю жизнь добывала себе» замечательными стихами для детей и взрослых, пьесами, переводами. Переводила она поэтов Горного Алтая, чувашских авторов, великого kobzаря Тараса Шевченко (за переводы стихов последнего в 1936 году она была удостоена шевченковской памятной юбилейной медали). Собственные её вещи тоже переведены на многие языки.

У неё нет произведений эпического размаха, зато бездонны глубины её лирики. Елизавета Стюарт создала свой особенный и неповторимый поэтический мир, который наверняка останется в памяти каждого, кто с ним соприкоснётся.

Войди в мой мир

И ты его полюбишь:

*Он полон той особой тишины,
Когда видны невидимые глубины
И шорохи неслышимые слышны...*

Мир этот негромок, но многоцветен и многозвучен. Бывает он и резко контрастным, но никогда – дисгармоничным.

В одном из стихотворений Елизаветы Стюарт встречается такое странное, вроде бы, словосочетание – «полынь и солнце». Но здесь не просто броский парадоксальный образ. В нём, как ни трудно совместимыми они кажутся, соединились в единое целое два шедших в жизни поэтессы бок о бок начала: горечи и боли с радостью бытия и светом надежд. И оба они в поэзии Стюарт сшиты прочной нитью – неизбывным чувством Родины:

*Ты для меня начало всех начал:
Твой ветер колыбель мою качал,
И вручены мне до скончанья дней
Полынь и солнце Родины моей.*

Чувство Родины для Елизаветы Стюарт – стержневое. Естественно, что и судьба родной земли, народа своего «стала неотвратимой судьбою» самой поэтессы, источником её духовного и творческого самочувствия. Ну а путеводной звездой в поэтическом мире Стюарт были память сердца и опыт души («За каждым словом опыт мой встаёт...»). Но что значит – «опыт мой»?

В применении к самой Стюарт это едва ли в буквальном смысле синоним понятия «жизненный опыт», предполагающий сумму каких-то лично пережитых событий, фактов биографии. Биографическая канва Елизаветы Стюарт была как раз довольно проста и не изобиловала заметными перипетиями.

Родилась Елизавета Стюарт 28 сентября 1906 года в Томске, в семье железнодорожного служащего. Учиться начала в

гимназии, а свидетельство об окончании семилетки получила уже в советской школе. К пятнадцати годам её образование фактически и завершилось. Она мечтала о филологическом факультете, но его в Томском университете к этому времени закрыли. К тому же материальное положение их семьи было сложным, и надо было просто зарабатывать на жизнь. Поэтому, окончив после семилетки ещё и трехмесячные курсы машинописи, Елизавета Стюарт пошла работать машинисткой. В 1932 году она переезжает в Новосибирск и устраивается в радиокомитет: сначала опять машинисткой, а позже её переводят в литературную редакцию. В эти же годы началось и её вхождение в литературу.

В нашей памятной для меня беседе Елизавета Константиновна так вспоминала об этой поре:

– О славе поэта как-то не помышляла. Не потому вовсе, что у меня начисто отсутствовало желание общения с читателем, просто я в то время не считала себя поэтом... Была острая потребность изложить свои чувства в стихах, а о непременно и немедленной публикации я и не думала. Первые стихи появились в 1929 году в журнале «Товарищ» (издавался такой в Новосибирске), и появились они благодаря друзьям моим тайком от меня. Начало серьёзной литературной деятельности отношу ко времени, когда познакомилась с известным поэтом Георгием Вяткиным. До сих пор помню, как он, внушая, что надо поверить в свои силы, полушутя, полусерьёзно напутствовал меня:

Явился б творческий азарт

И темы дюжинами сразу

И книжки

Е. Стюарт – стихи

и Е. Стюарт – рассказы.

Книжки её стали появляться с 1936 года. Начиная Елизавета Стюарт как детская поэтесса, и писать для детей продолжала долгие годы, выпустив около трёх десятков книг для детей со стихами, рассказами, пьесами. Но одновременно проклёвывался в ней и лирический талант.

Впервые весомо заявил он о себе в творчестве Стюарт в большом цикле стихов, посвящённых Великой Отечественной войне и появившихся большей частью в первые её годы. Неразрывная связь с Родиной («моя судьба – моя страна») звучит здесь «сквозь горе и сквозь радость» с особой сердечной обнажённостью и трагизмом.

Поэтесса не была непосредственной участницей военных событий. В первый год войны она работала ночным редактором ТАСС. Один раз в составе делегации, которая везла подарки от сибиряков воинам-североморцам, побывала на легендарном острове Рыбачьем. Но это не помешало ей создать ряд поэтических шедевров военной лирики, проникнутых одновременно и скорбно-трагической, и сдержанно-патетической интонацией. В самые жаркие дни 1942 года Елизавета Стюарт писала:

*Все испытай – лишенья и страданья.
Запомни все, чем эти дни полны.
Пойми, что значит – ожидать свиданья,
Отложенного до конца войны.*

*Пойми, что значит, если небо рухнет
От взрывов над твоею головой.
Узнай, что значит, если печь потухнет
В пустом доме, где ты один живой.*

*Почувствуй тяжесть вымокшей шинели
И жар в глазах на третью ночь без сна,*

*Когда бойцы шепотъ махорки делят
И с ног, как пуля, валит тишина.*

*Пройди по развороченным дорогам,
Чужое горе, как свое, измерь
И руки друга павшего потрогай,
Чтоб вновь и вновь возненавидеть смерть...*

В прекрасных стихотворных строках той поры Елизавета Стюарт запечатлела для нас и «обильно политые кровью» скалы северного острова Рыбачий, и «ход танков, врезанный в асфальт», и то, как «ползли орудия ночами по потрясённой мостовой», и дверь военкомата, отмеченную «толпою молчаливых жен»...

Как признавалась поэтесса, вообще «тех дней мельчайшая подробность запоминалась навсегда». И – добавим от себя – переплавлялась огнём поэтического чувства в стихи, которые уже многие десятилетия не оставляют нас равнодушными. Стихотворения эти стали художественными документами эпохи, поэтическими свидетельствами величайшей в истории человечества войны.

Память о тех, кому уже не суждено увидеть мирное небо над головой, в стихах Елизаветы Стюарт буквально кровоточит. И долгое эхо этой памяти вновь и вновь отзывается в более поздних стихах поэтессы. Даже реактивный гром современного авиалайнера способен ей вдруг напомнить «о потерях, об утратах, о пределах воли и сил», заставить, словно воочию, увидеть, как «поднимутся солдаты из бесчисленных могил».

Но, как бы то ни было, война не стала в творчестве Стюарт, как, скажем, у некоторых поэтов-фронтовиков, главной и единственной темой. Более того, в самый разгар Великой Отечественной Елизавета Стюарт писала:

*Мы научились не слабеть,
Когда томят и грусть, и усталь,
Но мы должны еще суметь
Особым овладеть искусством:*

*Постигнуть, в горе не сгорев,
Вновь – через все, что пережито, –
И песню птицы на заре,
И прелесть почки нераскрытой.*

Именно этому «особому искусству» посвятила Елизавета Стюарт всю оставшуюся творческую жизнь. Уже в военные годы у неё вышли две книги лирики с говорящими за себя названиями – «Города будущего» (1943) и «Второе рождение» (1945). А всего лирических сборников у Елизаветы Стюарт – около четырёх десятков, и за каждым скрыта непростая и насыщенная внутренняя жизнь их автора, обладавшего замечательным даром за малым видеть большое, а в обыкновенном – необыкновенное, и находить поэзию в вещах, казалось бы, совершенно незначительных.

Практически всё в жизненном круговороте привлекало внимание поэтессы: и «последний лист» осени, которая, в свою очередь, «висит на заборе картофельной рыжей ботвой», и «веселый ямб кукушки», и юркий бурундучок на заброшенном татарском кладбище, и «сосульки – органы весны» – любая, в общем, в существовании природы и человека чёрточка, деталь. Во всём этом Елизавета Стюарт умудрялась находить что-то неожиданное, доброе и прекрасное, чему-то непременно удивиться и восхититься – «чуду воды // И чуду крыла, // Ростку, что весной из-под снега стремится, // Крику, с которым дитя родится, // Сотам, которые строит пчела, // Хрустальному звону осенней синицы... // Человечьему сердцу, // Красоте и добру...».

Особое место в стихах Елизаветы Стюарт занимает природа. Она для неё «как очищение, как отпущение грехов». Однако по отношению к ней поэтесса чужда отстранённой созерцательности. Мы не найдём у Стюарт пустых пейзажных зарисовок, бездумного любования природой. Поэтесса не просто изображает деревья, травы, какие-то природные явления – грозу, ветер и т. д., или времена года, а стремится доказать с помощью поэтических аргументов собственную неотделимость от всего, что входит в понятие природы, и что питает её, человека и художника, особой жизненной и творческой силой.

*Есть у жизни такая сила:
Как бы горем ни подкосило,
Хоть не сразу,
Но в должный миг
Вдруг объявится тот родник.*

*Даст умыться и даст напиться.
Снимет тяжесть с усталых плеч.
В душу смутную постучится,
Скажет, как ей себя сберечь.*

*И покажет такое чудо,
Что поможет наверняка...*

При этом природа для Елизаветы Стюарт – всегда что-то очень конкретное, а подчас для неё и очень личное, близкое и дорогое. Как, например, её любимая речка Уень, на берегу которой каждое лето жила она в простой бревенчатой избе и которая постоянно подпитывала её поэтическое творчество.

Впрочем, природа для Стюарт – не только источник всё новых впечатлений, наблюдений и вдохновения, но и школа

высокого мастерства, потому что, «когда за дело примется Природа, // В ней сразу точность мастера видна», а ещё потому, что «Природа – просто мастер на детали, // И в этом совершенство мастерства».

Ощущая себя частью природы, Елизавета Стюарт хорошо видела проблемы, связанные с наступлением технического прогресса, и была всерьёз озабочена её судьбой в эпоху безудержного техницизма и прагматизма. Поэтому совсем не случайно возникает в творчестве поэтессы тема ответственности современного человека перед природой. В то же время к их взаимоотношениям она относилась неоднозначно. Во всяком случае, не спешила оплакать милое и привычное. В стихотворении «Сибирский пейзаж», например, мы видим, как в синие колокольчики шагнули вдруг опоры высоковольтной линии. И автор обращает наше внимание на то, что «энергия и красота рядом уживаются, не ссорясь».

Нет беды в самом факте такого сосуществования, убеждает поэтесса. Важно, чтобы сожительство природы и железа было разумным, дабы сохранилась гармония, и не оставалось бы таких вопиющих знаков человеческого бездушия, как искалеченная ножом бульдозера лиственница, поднимающая «израненное тело к помыслам людским».

Об этой же вот гармонии говорила Елизавета Константиновна и тем солнечным апрельским днём, когда я гостил у неё. За окном чернели и оседали сугробы. Парили проплешины на тротуарах. В открытую форточку слышно было, как, ошалев от солнечного купания, заливается синица.

...А сейчас в лес идут и транзистор с собой несут, – задумчиво проговорила Елизавета Константиновна. – Но от прогресса не откажешься. Только разумно надо всё объединить. Чтобы гармония во всём была, а не корысть и безжалостное

любопытство: в любви ли, в поэзии. Чтобы синица могла запросто петь под окном...

О жестокосердии и бездушии Елизавета Стюарт ещё не раз выскажется в своих стихах. И не только экологических. Да и экология для неё не ограничивалась одной природой. Елизавета Константиновна была уверена, что равновесие в природе невозможно без экологии человеческой души, нарушение которой ведёт к самым печальным последствиям, способным разрушить и природу, и человека.

*...Но если целый мир тебе – пустыня,
И эхо не звучит тебе в ответ,
Ты мертв как человек и как поэт.
Спасенья нет – ты просто мертв отныне...*

Остро волновали Елизавету Стюарт взаимоотношения читателя и писателя. Она сполна отдавала себе отчёт, как не просто донести до читателя то, что переполняет душу и сердце поэта.

*Трудней и дальше расстоянья нету,
Чем это расстоянье на земле:
Оно – от сердца самого поэта
И до страницы на его столе.*

Но как добиться, чтобы читатель тебя услышал, проникся твоими чувствами, настроениями, болью? У каждого пишущего на сей счёт свой рецепт. Елизавета Стюарт просто верила в своего читателя – умного, тонкого и чуткого («Имеющий уши – да слышит, имеющий душу – да чувствует...»).

Однако вера эта, если она, конечно, не есть всего лишь самоуверенность и самонадеянность, должна чем-то очень весомым подкрепляться. Елизавета Стюарт обеспечивала её своим высочайшим поэтическим мастерством, предельной честностью и искренностью каждого сказанного ею слова

(«Но если уж строку сложить сумею, // Ей можно верить – та строка не лжет») и ещё тем неослабевающим творческим накалом, которым до последних дней была освещена вся её жизнь.

«Цель творчества – самоотдача», – говорил Б. Пастернак.

«Я работаю на старомодном сырье: // На сторанье души, на утрате покоя», – по-своему истолковала, интерпретировала и продолжила его мысль Елизавета Стюарт.

Но только ли во имя Его Величества Читателя были эти «горение» и «самоотдача»? Как бы ни было важно сие в общем и целом, но для самой Стюарт, думается, на первом месте стояло всё-таки нечто более существенное. И прежде всего то, что она чувствовала себя в неоплатном долгу у жизни, которая по большому счёту одна и дарует всю красоту и прелесть мира, всю полноту ощущений и впечатлений.

*Влажный ветер летит над деревней,
На рассвете кричит воронье,
Чистым золотом платят деревья
За прошедшее лето свое.*

*Чудо жизни все длится и длится...
Но смогу ли, всему вопреки,
Я за лето свое расплатиться
Чистым золотом каждой строки?*

Елизавета Константиновна Стюарт за свою долгую и плодотворную жизнь (прожила она 77 лет и умерла 3 февраля 1984 года) смогла расплатиться сполна. А потому жива и будет жить её прозрачно ясная и мудрая поэзия.